РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2022, № 1, с. 139–152

ПУБЛИКАЦИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ КЮЛЬТЕПЕ I

© 2022 г. В. Б. Бахшалиев*

Нахичеванское отделение Национальной Академии наук Азербайджана, Нахичевань, Азербайджан

**E-mail: velibahshaliyev@mail.ru*

Поступила в редакцию 08.07.2020 г.
После доработки 18.02.2021 г.
Принята к публикации 01.06.2021 г.

По поводу становления эпохи неолита в Южном Кавказе высказывались различные мнения: одни исследователи полагали, что неолит Южного Кавказа возник на местной почве, другие – что он привнесен сюда извне. Для прояснения вопроса в 2012–2018 гг. французско-азербайджанская экспедиция возобновила археологические раскопки в поселении Кюльтепе I. Новые данные частично отражены в некоторых статьях, но полностью не опубликованы. Сравнение археологических материалов, полученных в советское время (раскопки О.А. Абибуллаева), с результатами работ последнего десятилетия позволяет заключить, что культура Кюльтепе формировалась на местной почве в тесном контакте с соседними ближневосточными регионами.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Нахчыван, Кюльтепе I, неолит, керамика.

DOI: 10.31857/S0869606322010032

Археологические раскопки в поселении Кюльтепе I (рис. 1) впервые были проведены в 1959–1964 гг. Нижний слой поселения О.А. Абибуллаев разделил на два – 1а и 1б (Həbibullayev, 1959. S. 14); слой 1а был отнесен к неолитическому, а 1б – к энеолитическому периоду. Однако в своих дальнейших исследованиях О.А. Абибуллаев оба этих слоя отнес к энеолитическому периоду (Абибуллаев, 1982. С. 24). Другие исследователи на основе сравнительных материалов продолжали датировать слой 1а Кюльтепе I периодом неолита (Нариманов, 1987. С. 133; Kushnareva, 1997. С. 30–40; Seyidov, 2003. S. 21, 39–40), а раскопки французско-азербайджанской экспедиции показали, что оба слоя относятся к эпохе неолита. Исследованиями последних лет выявлены также памятники раннего энеолита. Актуальным является сравнительный анализ неолитических археологических материалов Кюльтепе I, выявленных в советское время и во время раскопок французско-азербайджанской экспедиции.

Стратиграфические особенности и строительные остатки. О.А. Абибуллаев отметил, что слой 1а отличается от слоя 1б темным цветом (Həbibullayev, 1959. S. 15). Нижний слой 1а исследователь разделил на пять строительных горизонтов; четыре из них представлены только остатками очагов, а в третьем строительном горизонте выявлены остатки прямоугольного помещения, имевшего глинобитные стены. Внутри помещения находился овальный очаг, сложенный из булыжников, скрепленных глиняным раствором (Абибуллаев, 1982. С. 25). Раскопками французско-азербайджанской экспедиции на Кюльтепе I (название памятника в полевой документации) установлено наличие двух неолитических слоев (рис. 2), обозначенных как слой 1 и слой 2 (Marro et al., 2019).; нижний слой 1 соответствует слою 1а по Абибуллаеву, а слой 2 – слою 1б. Толщина обоих слоев, 8 м. В целом неолитические отложения датируются 6400–5200 гг. до н.э. (таблица).

Нижний слой имел темный цвет и состоял из наслоений золы иногда со следами очагов, выложенных булыжниками (рис. 3, *1*). Ввиду того, что площадь раскопок была ограничена небольшим шурфом, установить форму строительных остатков было невозможно. По разрезу раскопа можно полагать, что первые дома имели вид полуземлянок. (рис. 3, *2*). Второй слой отличался светлым цветом (рис. 3, *1*). Это вызвано цветом глины, использованной при строительстве помещений. В отличие от первого, во втором слое строительные остатки прослежены четче, так как раскопки проведены на большой площади, примерно 450 м^2. Этот слой характеризовался помещениями круглой, а иногда овальной в плане формы (рис. 4, *1–2*). Иногда около стен находились пяточные камни, что говорит о существовании дверей, закрывавшихся по одной вертикальной оси (рис. 4, *4*). Во внутренней части помещений выявлены очаги (рис. 4, *3*), выложенные булыжниками и скрепленные глиной. Найдены отщепы обсидиана, ке-

Рис. 1. Местоположение поселения Кюльтепе I (карта памятников составлена автором).
Fig. 1. The location of the Kültepe I settlement (the map of sites was designed by the author)

рамика, камни для пращи, орудия труда из кости, обсидиана и базальта.

Размеры помещений очень разные. Вокруг помещений также найдены керамические изделия, отдельные орудия труда и рабочие места. В одном случае найдено скопление зернотерок, указывающее, что люди хозяйственными работами занимались на дворе.

Земледелие и скотоводство. Исследование остатков фауны и флоры показывает, что поселенцы Кюльтепе I уже осваивали производящую экономику. Основные виды животных были прируче-

Радиоуглеродные даты поселения Кюльтепе I (на основе анализа угля)
Radiocarbon dates of the settlement of Kültepe I (based on coal analysis)

Шифр образца	Лабораторный индекс	Дата BP	$\delta^{13}C$ (‰)	CalBC (95.4%)
Kultepe-2013-B-035	LTL14889A	6374 ± 50	–24.4 ± 0.4	5473–5293
Kultepe-2013-B-006	LTL14890A	6926 ± 45	–18.6 ± 0.2	5903–5720
Kultepe14-P1.002	LTL14935A	6477 ± 45	–21.3 ± 0.6	5520–5341
Kultepe14-D004	LTL14936A	7042 ± 45	–22.8 ± 0.6	6014–5836
Kultepe14-C021	LTL14937A	6548 ± 45	–19.6 ± 0.5	5616–5466
Kultepe14-C034	LTL15113A	7099 ± 50	–21.1 ± 0.6	6070–5880
Kultepe14-C032	LTL15114A	7065 ± 50	–19.9 ± 0.5	6040–5840
Kultepe18-E362B	LTL18619A	7268 ± 45	–21.1 ± 0.6	6226–6050
Kultepe18-E362A	LTL18618A	7210 ± 45	–21.1 ± 0.6	6210–6004
Kultepe18-E362C	LTL16900A	7361 ± 55	–19.9 ± 0.5	6372–6084

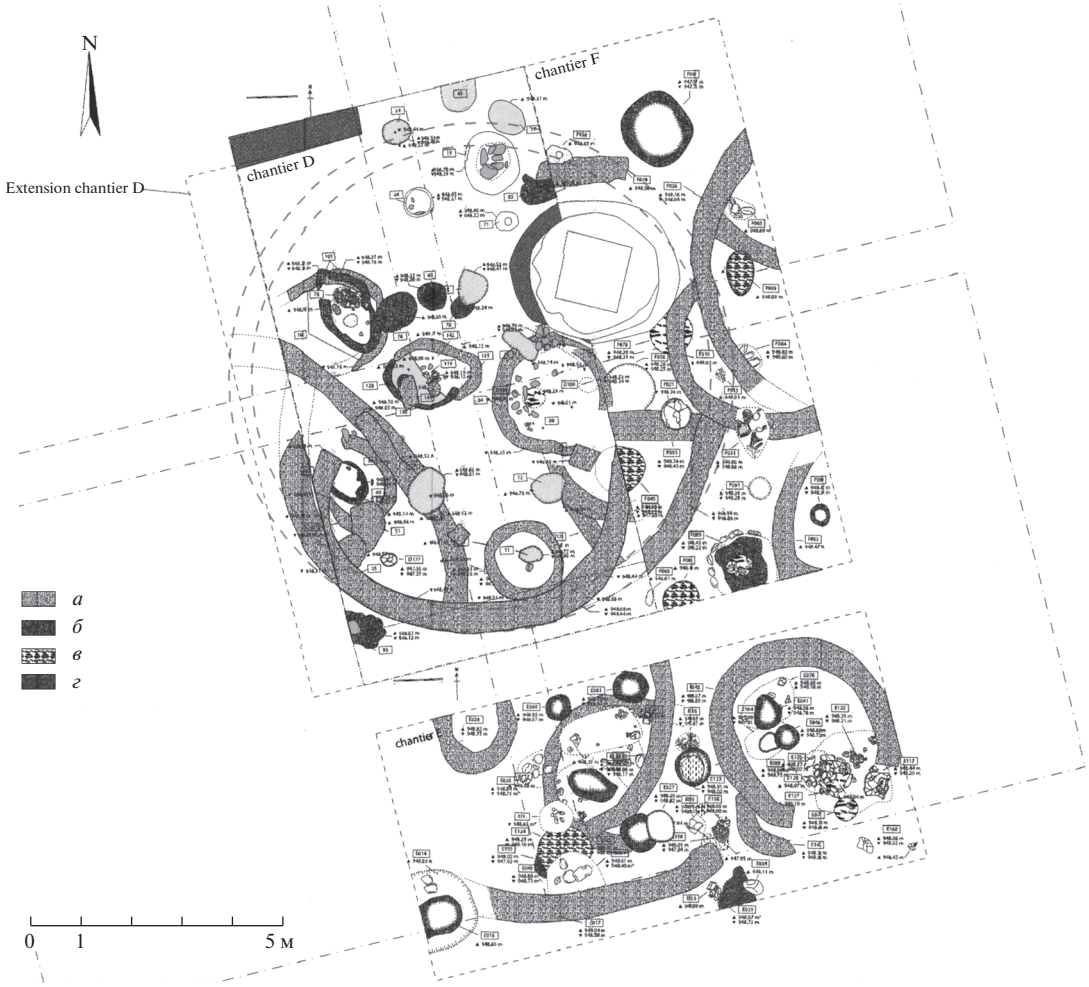

Рис. 2. Общий план раскопок поселения Кюльтепе I (раскопки В. Бахшалиева и К. Марро; чертеж Г. Гадебуа). Условные обозначения: *а* – глинобит, *б* – остатки кирпичей, *в* – очаг, *г* – пепел.

Fig. 2. General plan of the excavations at the Kültepe I settlement (excavations by V. Bakhshaliyev and C. Marro; drawing by G. Gadebois)

ны. В животноводстве первое место занимал мелкий рогатый скот. В первом слое доля костей мелкого рогатого скота была 85%, а крупного рогатого скота – 5%. Во втором слое число костей крупного рогатого скота возрастает до 15%, а доля костей мелкого рогатого скота уменьшается до 80% (Marro et al., 2019. P. 105). Как видно, несмотря на незначительные изменения, разведение мелкого рогатого скота в период неолита сохраняло ведущее место в скотоводстве. По-видимому, это было связано с образом жизни поселенцев Кюльтепе I. Исследования подтверждают раннее использование поселенцами обсидиановых и медных ресурсов Южного Кавказа, которые расположены далеко от Кюльтепе I. Анализ костных остатков свидетельствует, что в занятиях населения определенное место занимала также охота. Охотились на дикого кабана, красного оленя, газель, козла и птицу. Среди костей животных присутствуют также кости лисы, медведя и черепахи (Marro et al., 2019. P. 105).

В земледелии в основном культивировались голозерная пшеница (*Triticum aestivum/durum)*, ячмень (*Hordeum vulgare)*, эммер (*Triticum turgidum* subsp. *dicoccon)* и чечевица (*Lens culinaris)*. Результаты исследования показывают, что все эти растения были одомашнены (Marro, 2019. P. 104–105). Таким образом, можно сказать, что в хозяйстве древних поселенцев основное место занимали скотоводство и земледелие, и частично, охота.

Орудия труда из камня и кости. Основные виды орудий труда также свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом характере хозяйства поселенцев Кюльтепе I. Для изготовления орудий труда применялись различные виды камня (Абибуллаев, 1982. С. 52). Преобладают орудия, многочисленные

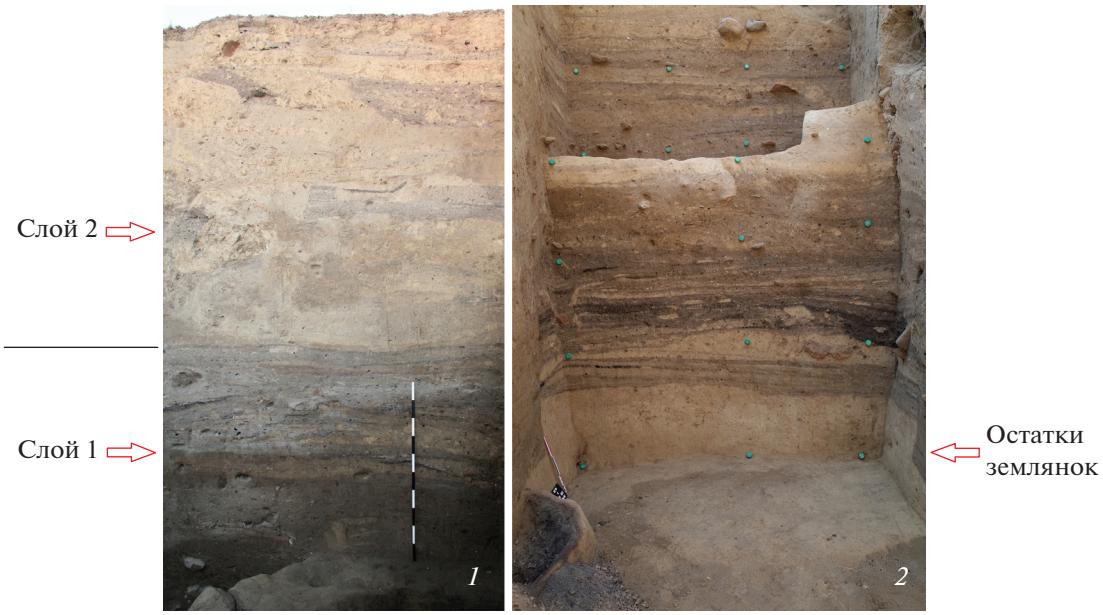

Рис. 3. Разрезы неолитического слоя (фото Р. Бертон).
Fig. 3. Sections of the Neolithic layer (foto by R. Berton)

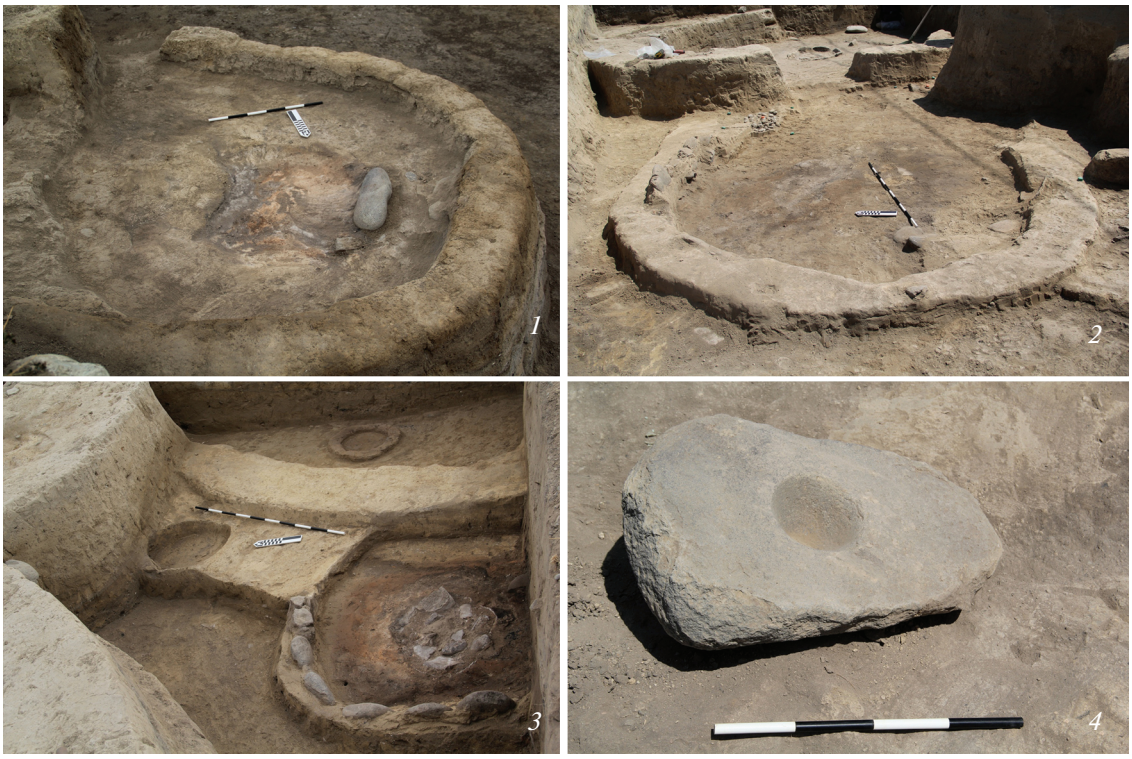

Рис. 4. Остатки зданий (фото В. Бахшалиева).
Fig. 4. Architecture remains (foto by V. Bakhshaliyev)

нуклеусы (рис. 5, *1*), а также отщепы и осколки из обсидиана (Абибуллаев, 1982. С. 53), которые находились в обоих слоях поселения; они подтверждают, что обработка обсидиана производилась в самом поселении. Определенная группа орудий представлена пластинами трехгранной и четырех-

гранной формы. Многие из них достигают 15–20 см в длину (рис. 5, *2*, *3*). Некоторые типы подобных орудий не имеют следов обработки, а другие обработаны односторонней или же двусторонней ретушью. Некоторые необработанные орудия несут следы употребления в виде затупленности и выщерблин (Абибуллаев, 1982. С. 54). Среди вкладышей имеются также несколько микролитов. По мнению О.А. Абибуллаева, большие пластины использовались в качестве вкладышей цельных серпов, а маленькие (рис. 5, *5*, *6*) – составных (Абибуллаев, 1982. С. 54). Основы составных серпов изготовлены из кости, нередко из рога оленя; на специально сделанную выемку крепились вкладыши (рис. 5, *9*). Подобные орудия известны из первого слоя поселения (Абибуллаев, 1982. С. 54). Следует отметить, что большие пластины могли использоваться также в качестве ножей. Среди обсидиановых изделий в небольшом количестве имеются также скребки (рис. 5, *4*). Они имеют округлую или же дугообразную форму, обрамлены ретушью. Подобные орудия, по-видимому, использовались для обработки кожи.

Среди земледельческих орудий привлекают внимание каменные мотыги (рис. 5, *10*) овальной формы, которые были найдены в небольшом количестве. Лезвия их с обеих сторон заострены, а на обушной части просверлено отверстие для рукоятки. Для обработки земли, по-видимому, использовались также орудия типа тесла (рис. 5, *11*).

Земледельческие орудия представлены в основном зернотерками. Они изготовлены из пористых и плотных камней. Представлены верхние и нижние камни. Зернотерки первого слоя в основном овальные и плоские. Во втором слое встречаются также ладьевидные формы подобных орудий. На поверхности отдельных орудий встречаются следы красной краски (Абибуллаев, 1982. С. 59). Это свидетельствует о том, что данный тип орудий использовался также для растирания минералов.

Кроме каменных орудий имеются также многочисленные костяные (рис. 5, *12–14*), которые также связаны с земледельческо-скотоводческим хозяйством древних поселенцев. Среди них мотыги, проколки, шилья, пряслица и др.

Металлургия и металлообработка. В хозяйственном укладе древних жителей Кюльтепе I, помимо земледелия и скотоводства, важную роль имели металлургия и металлообработка. Металлические изделия выявлены из второго слоя поселения. Орудия, связанные с горным делом, также известны из этого слоя. Эти орудия (молоты) изготовлены из плотных пород камня. Одно из них имеет валикообразную форму с закругленными краями (рис. 5, *7*). Орудие тщательно обработано. На поверхности есть следы использования (Абибуллаев, 1982. С. 58). В средней части их имеется горизонтальный желобок, опоясывающий орудие и служивший для прикрепления рукоятки. На обушной части другого молота имеется недосверленное отверстие (рис. 5, *8*). Подобные орудия нами найдены в Дуздаге (Marro et al., 2010. P. 229–244), что свидетельствует об их использовании в горном деле[1]. Еще один каменный молот с прорезным отверстием со следами медной руды был найден близ Нахчывантепе[2].

Во втором слое поселения Кюльтепе I найдены остатки семи металлических изделий (Абибуллаев, 1982. С. 78). Большинство этих предметов изготовлено из меди с незначительными примесями других металлов. Лишь один фрагмент неопределенного предмета изготовлен из меди с 0.4% примесью мышьяка (Бахшалиев, 2005. С. 31). Другой предмет, четырехгранная проколка, изготовлен из медно-мышьяково-никелевого сплава (Бахшалиев, 2005. С. 32). По мнению исследователей, медно-никелевые предметы характерны для южных регионов; на Кюльтепе I они являются импортными или, скорее всего, изготовлены на месте из привезенного металла (Махмудов, Мунчаев, Нариманов, 1968. С. 23). По мнению И.Р. Селимханова, в то время человек еще не был знаком с металлическим никелем, но некоторые свойства никелистых бронз были отчасти известны, и не исключено, что плавильщик добавлял в шихту для плавки никелевые руды (Селимханов, 1970. С. 58). Металлические изделия второго слоя Кюльтепе I являются продуктом довольно развитой для того времени металлургии, что заставляет нас думать об истоках ее развития. Нет оснований считать, что ранние металлические изделия из Кюльтепе I являются привозными, ибо медно-мышьяковые изделия в энеолитических памятниках более развитых регионов не зафиксированы.

Использование ресурсов обсидиана. Исследования показывают, что производящая экономика была в довольно развитом состоянии, и древние поселенцы имели связи с отдаленными странами. Об этом говорит также использование ресурсов обсидиана бассейна оз. Севан, которое на территории Нахчывана началось во второй пол. VII тыс. до н.э. Таких ресурсов на территории Нахчывана и Северо-западного Ирана нет. Поселенцы Кюльтепе I в основном разрабатывали ресурсы Сюник (49%) и Гегхасар (50%). Находки обсидиана из других месторождений незначительны в количественном отношении (Baxşəliyev, 2019. S. 17–19). Обсидиановые находки из Гегхасар преобладали также в памятниках Карабах-

[1] Соляные копи Дуздаг находятся вблизи города Нахчыван. Нашими исследованиями там были выявлены древние рудники и обнаружены многочисленные орудия горного дела.

[2] Эта находка не опубликована.

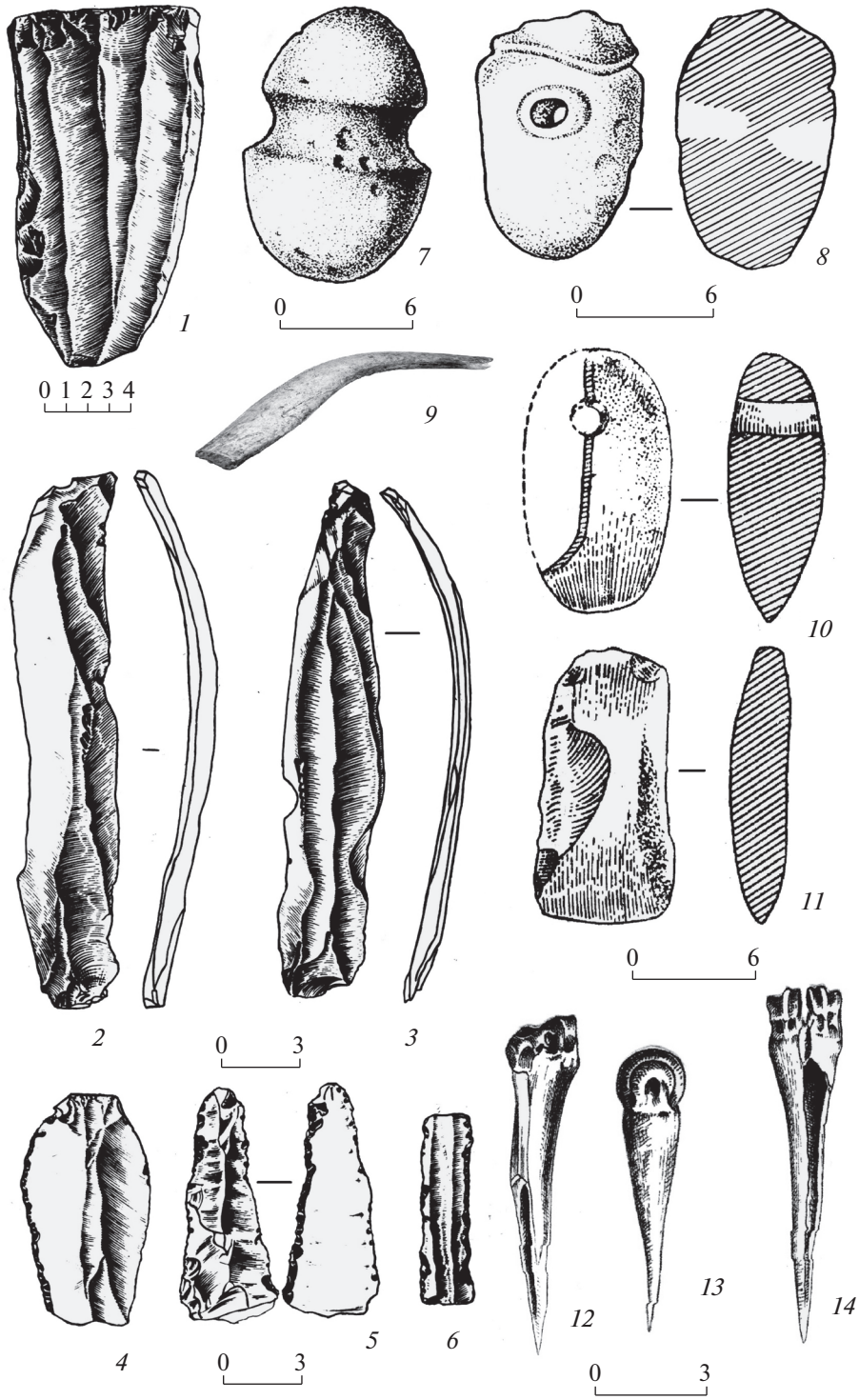

Рис. 5. Орудия труда (из раскопок О. Абибуллаева).
Fig. 5. Tools (from O. Abibullayev's excavations)

ской равнины Чалагантепе и Тойретепе; по распространенности обсидиана на Южном Кавказе ресурс Гегхасар является доминирующим (Бадалян, Кикодзе, Коль, 1996. С. 257), что говорит о связях поселенцев. Обсидиановые ресурсы Сюник и Гегхасар широко использовались также в энеолитическом периоде. Так, в Нахчыван Тепе преобладает обсидиан из Сюник (42%) и Гегхасар

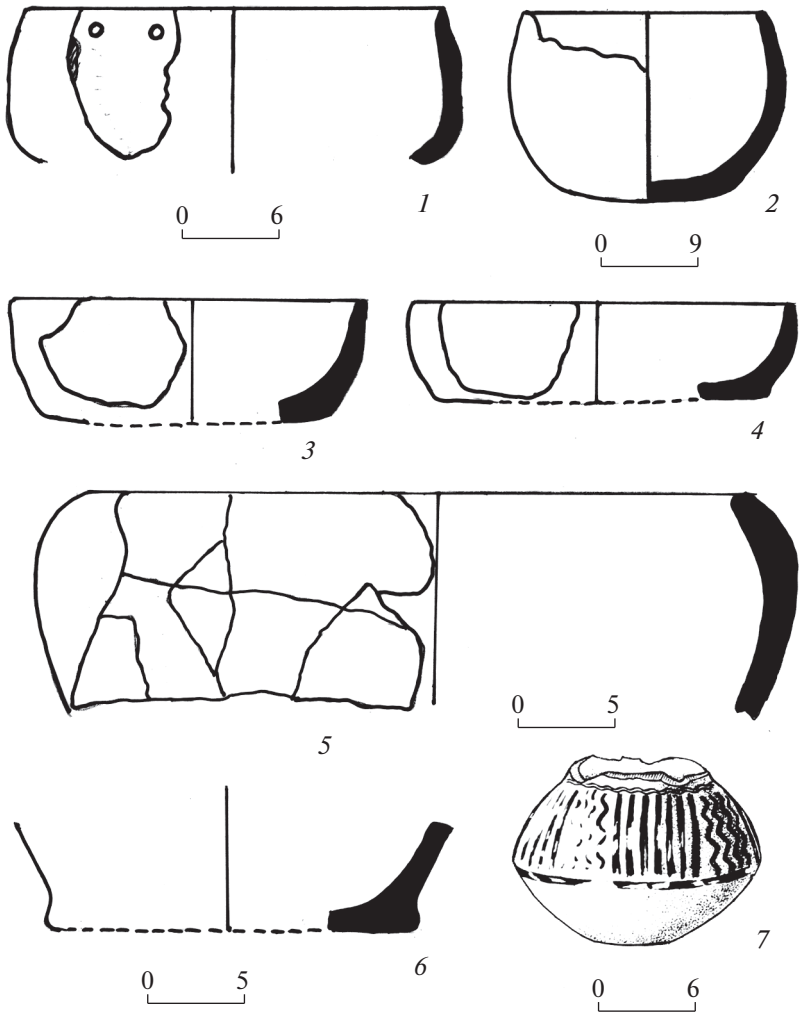

Рис. 6. Керамика первого слоя (из раскопок О. Абибуллаева).
Fig. 6. Ceramics of the first layer (from O. Abibullayev's excavations)

(37%), а в поселении Овчулартепеси 74% обсидиана поступало из Гегхасар, 13% – из Сюник. Обсидианы из Сюник преобладают также в памятниках бассейна оз. Урмия (95%) в Северо-западном Иране (Khademi et al., 2013. P. 1956–1965). Несомненно, что использование природных ресурсов в определенной степени способствовало развитию межрегиональных связей.

Керамическая посуда. Большая часть археологических находок из раскопок представлена керамическими изделиями. Керамика изготовлена из глины с примесью рубленой соломы и обожжена в разных оттенках красного цвета. Обжиг неравномерный: на срезе стенок сосудов прослеживается необожженная серая, а иногда черная прослойка.

Керамический материал *из первого слоя* очень малочисленный, поскольку раскопки проведены на меньшей площади. Он представлен мисками и банкообразными сосудами, вылепленными грубо, часто с шероховатой поверхностью. Миски с выпуклыми стенками (рис. 6, *2–5*), банкообразные сосуды с цилиндрическим туловищем округлены у дна (рис. 6, *1*). Дно сосудов плоское, иногда с выступающим наружу краем (рис. 6, *6*). Подобные сосуды по форме очень сходны с материалами Хассуны, Самарры (Mellaart, 1965. P. 65. Fig. 40) и Чатал-Гуюк (Mellaart, 1975. P. 105. Fig. 52).

Расписной горшок из погребения № 71 также относится к этому слою. Горшок расписан прямо по неокрашенной поверхности коричневыми вертикальными линиями (рис. 6, *7*). Однако роспись горшка недостаточно хорошо сохранилась и местами стерта. Близкие аналоги этому горшку известны из Тепе Гуран, но орнаментация имеет отличия (Mellaart, 1975. P. 86. Fig. 38, g).

Во втором слое количество керамики возрастает, и появляется большее разнообразие (рис. 7; 8). В коллекцию посуды входят фрагменты кувши-

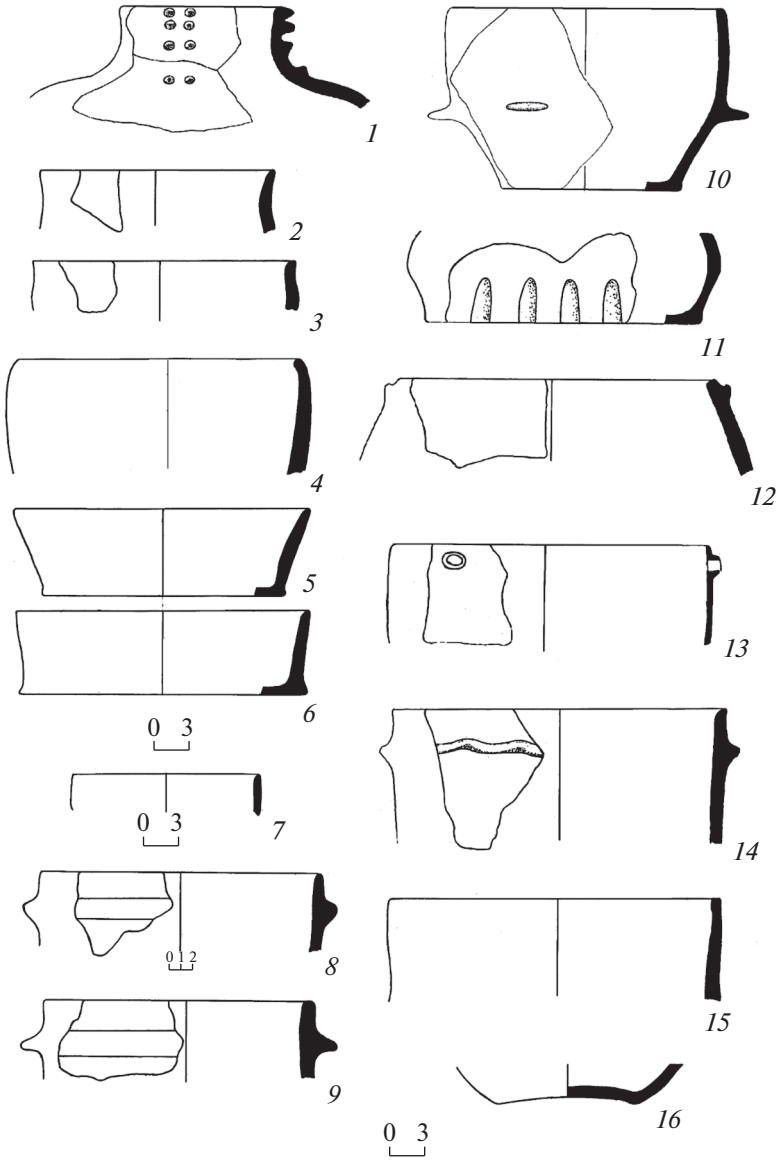

Рис. 7. Керамика из второго слоя (из раскопок В. Бахшалиева и К. Марро).
Fig. 7. Ceramics of the second layer (from V. Bakhshaliyev and C. Marro excavations)

нов, горшков, банок, бочкообразных сосудов и мисок. Они сходны с материалами из поселений Южного Кавказа, в том числе Азербайджана. Близкие параллели известны из Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 367–384), Молла Нагитепеси (Мусеибли, 2012. С. 40–50), Гойтепе (Гулиев, Гусейнов, Алмамедов, 2009. С. 26–30), Хаджи Фируз (Voigt, 1983. P. 114–140) и других памятников.

Кувшины представлены несколькими экземплярами с отогнутыми наружу венчиками. Горло одного из них украшено двумя рядами шишкообразных выступов (рис. 7, *1*, *2*). Сосуды с подобными украшениями известны из Гадашрили гора (Hamon et al., 2015. Fig. 7), Имирис гора (Kiguradze, 1986. Abb. 40, 13) и Шомутепе (Ахундов, 2012. Табл. 209, *5/526*).

Имеются миски различных типов. Миски с округлым корпусом имеют отогнутый наружу (рис. 7, *3*) или вогнутый внутрь венчик (рис. 7, *4*). Подобные миски известны из Хаджи Фируза (Voigt, 1983. Fig. 83, *O*) и Шомутепе (Ахундов, 2012. Табл. 205, 4/548). Третий тип мисок – конусовидной формы со скругленным венчиком (рис. 7, *5*, *6*). Разнообразные вариации форм подобных мисок обнаружены в поселении Хаджи Фируз (Voigt, 1983. Fig. 75, *b*, *p*, *q*). Древнейшие экземпляры аналогичных мисок известны из Телль-эс-Савана (Mellaart, 1975. P. 133. Fig. 91). Из других памятников Ближнего Востока (Арпачия, Юнус и

Телль Халаф) известны также расписные экземпляры мисок такой формы (Mellaart, 1975. P. 133. Fig. 93). Этот тип мисок, ранние экземпляры которого обнаружены во втором слое Кюльтепе I, бытовали на протяжении длительного времени на территории Нахчывана, где они известны также из позднеэнеолитических памятников (Бахшалиев, 2014. Рис. 5, *14*).

В керамической коллекции второго слоя Кюльтепе I преобладают банковидные (рис. 7, *7*) и котлообразные сосуды. Сосуды с цилиндрическим туловом – так называемые банковидные – представлены большим количеством экземпляров. На краю некоторых из них имеется сквозное отверстие. Подобные сосуды хорошо известны из раскопок Абибуллаева слоев 1а и 1б поселения Кюльтепе I (Həbibullayev, 1959. С. 59). По форме они близки аналогичным сосудам из Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. Fig. 74, *f*, *g*). Такие сосуды известны также из поселения Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-3, *1*, *4*, *6*). Некоторые сосуды украшены рельефным пояском (рис. 7, *8*, *9*, *14*). Следует сказать, что сосуды с рельефными поясками в неолитических памятниках Кавказа встречаются редко, однако на керамике Дангреули гора есть змеевидный рельефный орнамент (Kiguradze 1986. Abb. 19, *15*). На одном из банковидных сосудов имеется короткий цилиндрический слив (рис. 7, *13*). Подобные сливы на посуде памятников Южного Кавказа встречаются очень редко, однако они хорошо известны из памятников Ближнего Востока, таких как Филиа (Mellaart 1975. P. 133. Fig. 78) и Mersin (Mellaart, 1975. P. 129. Fig. 74).

На некоторых сосудах встречен так называемый ушковидный рельефный декор в виде симметрично расположенных выступов (рис. 7, *10*; 8, *4*). Как известно, подобный декор широко распространен в таких памятниках Южного Кавказа эпохи неолита, как Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 56. Табл. 209, 210), Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-2, *5–11*), Гейтепе, Арухло (Kushnareva, 1997. Fig. 9, *1*, *2*).

Присутствуют котлообразные сосуды с выпуклым корпусом (рис. 7, *12*). Некоторые из них у края венчика имеют круглое отверстие, а другие – ушковидный выступ. Нижняя часть корпуса отдельных сосудов украшена овальными впадинами (рис. 7, *11*).

Отдельные сосуды использовались для хранения запасов продовольствия (рис. 8, *5*). Подобные сосуды, по-видимому, заглублялись землю и использовались в таком виде. В поселении Кюльтепе I найдено очень мало хозяйственных ям. Возможно, большие сосуды применялись для хранения запасов продовольственных продуктов.

Выявленные материалы показывают, что дно сосудов было плоским, чаще выступающим наружу. Некоторые фрагменты дна сосудов обработаны грубо. Сосуды с подобным дном выявлены в Шомутепе (Нариманов, 1987. Рис. 10; Ахундов, 2012. Табл. 211–216), Молла Наги тепеси (Мусеибли, 2012. Табл. VI, *3–6*) и на других поселениях. Часть их имеют вогнутое дно (рис. 7, *16*). Сосуды с подобным дном известны из Хаджи Фируз (Voigt, 1983. Fig. 91, *n*).

Несмотря на то что некоторые керамические изделия имеют близкие параллели в неолитических памятниках Южного Кавказа, в том числе и Азербайджана, формовка сосудов отличается особенностями, что, по нашему мнению, было связано с самостоятельным развитием и местными традициями. При этом следует отметить, что изящно изготовленные керамические изделия (рис. 8, *1–3*), обнаруженные в нижнем горизонте второго слоя поселения Кюльтепе I, относятся к халафской культуре и несомненно свидетельствуют о развитии взаимных отношений с ближневосточными странами. Расписную керамику из неолитического слоя О.А. Абибуллаев разделил на две группы. Керамические изделия с примесью рубленой соломы были отнесены к местному производству, а изделия с примесью песка считались привозными (рис. 6, 7, 8, *1–3*). Такого мнения придерживались и другие исследователи (Иессен, 1963. С. 12; Мунчаев, 1975. С. 120). При этом Р. Мунчаев делал вывод, что расписная керамика из Кюльтепе I, поселений Мильской степи и Мугани попала в Закавказье из Иранского Азербайджана, из восточных районов оз. Урмия (Мунчаев, 1975. С. 127). И. Нариманов (Нариманов, 1987. С. 126) и Р. Мунчаев (Мунчаев, 1975. С. 129) отмечали, что расписная керамика Мильской степи в определенной степени сходна с расписной керамикой Тепе Гурана. Происхождение расписной керамики Мильской степи И. Нариманов связал с памятниками северо-западного Ирана (Нариманов, 1987. С. 126). Горшки из Кюльтепе I (рис. 8, *1*) он сопоставлял с керамикой Телль-Арпачии, Телль-Халафа и Тепе-Гавры и делал вывод, что они могли попасть в Закавказье через Тилкитепе из Восточной Анатолии; при этом он допускал возможность загросского происхождения подобного типа керамики (Нариманов, 1987. С. 160). Несмотря на присутствие привозных предметов, простая керамика, которая составляет большую часть изделий, несомненно, возникла на местной почве.

В литературе встречаются разные мнения о становлении и развитии культур эпохи неолита на Южном Кавказе. Неолитическая культура, в основном характеризующаяся керамикой с минеральной примесью и распространенная в районах Гянджа и Казах Азербайджана, обозначена исследователями как культура Шомутепе (Baxşəliyev, 2007. S. 32–38). Ввиду того, что культура Шомутепе в определенной степени охватывала террито-

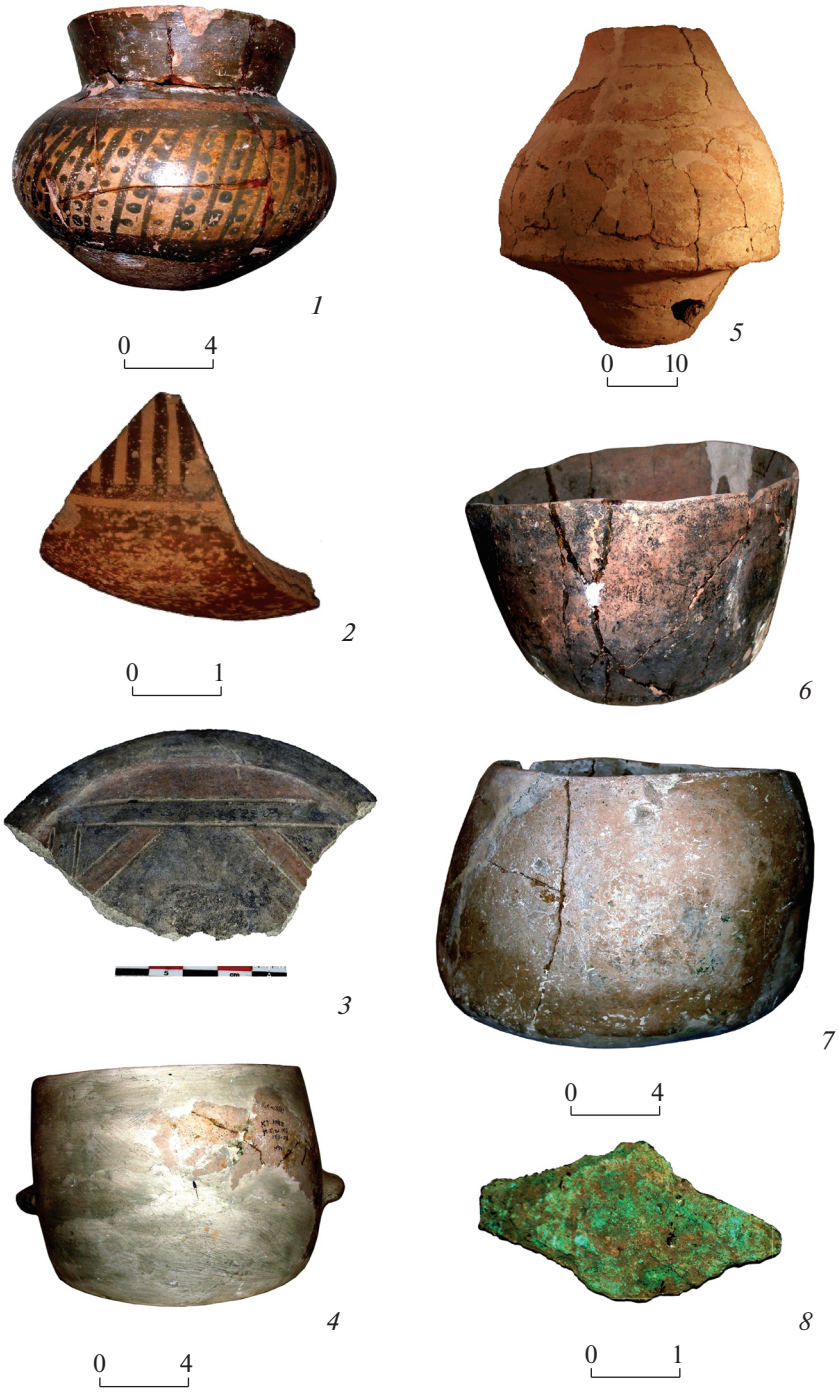

Рис. 8. Расписная и “простая” керамика; металлический предмет из второго слоя (из раскопок О. Абибуллаева).
Fig. 8. Painted and “plain” ceramics; a metal object from the second layer (from O. Abibullayev’s excavations)

рию Грузии, в литературе эта культура обозначена также именами Шомутепе-Шулавери (Мунчаев, 1975. С. 97; Lyonnet et al., 2012. P. 2), Шулавери-Шомутепе (Lyonnet et al., 2012. P. 85), а также Араташен-Шулавери-Шомутепе (Harutyunyan et al., 2019. P. 11). С другой стороны, обнаруженная в Нахчыване культура, для которой характерна посуда с примесью рубленой соломы, названа культурой Кюльтепе (Baxşəliyev, 2007. S. 38–58). Она существовала также и в пределах Куро-Араксской низменности, причем памятники Мильской и Муганской равнин моложе нахчыванских и отличаются от последних изначальным присутствием керамики с тисненым ор-

наментом, который появился лишь во второй половине VI тыс. до н.э.

Подчеркнем, что посуда поселения Кюльтепе I как по форме, так и по технологии изготовления сходна и с керамикой памятников Араратской равнины. В связи с этим подчеркнем, что керамика с примесью рубленой соломы из поселения Араташен технологически не соответствует стандарту культуры Шомутепе.

В настоящее время поселение Кюльтепе I является одним из самых древних памятников эпохи керамического неолита на Южном Кавказе. Анализ угля из различных горизонтов показал, что неолитический слой этого поселения существовал в интервале 6372–5200 гг. до н.э. (Бахшалиев и др., 2017, С. 32). Как уже сказано выше, материалы Кюльтепе I свидетельствуют о развитой производящей экономике. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что культура эпохи неолита была привнесена на Южный Кавказ в готовом виде (Ахундов, 2019. С. 98). В советское время придерживались мнения, что земледельческо-скотоводческое население Южного Кавказа пришло из Северной Месопотамии (Массон, 1964. С. 407). Это мнение разделяется также некоторыми зарубежными исследователями (Cucchi et al., 2013).

Это предположение основано главным образом на присутствии расписной керамики в нижних неолитических слоях памятников Южного Кавказа, в том числе и в Кюльтепе I. Как известно, расписной горшок из Кюльтепе I был найден в погребении (Абибуллаев, 1982. С. 40), где покойный лежал на спине. Подобный погребальный обряд в свое время также связывали с поселенцами Месопотамии (Чайлд, 1956. С. 77). Такой обряд практиковался на различных уровнях первого слоя Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. С. 40–46). Тем не менее другие исследователи предпочитали искать истоки неолитической эпохи в местной мезолитической культуре Южного Кавказа (Nishiaki, Guliyev, Kadowaki, 2015). В настоящее время для этого региона известны памятники всех этапов каменного века, а неолитические культуры отличаются разнообразием, что говорит о существовании различных центров становления неолита. Следует учитывать, что виды фауны и флоры на памятниках не являются привозными; становление металлургии и металлообработки происходило с опорой на местную сырьевую базу (Бахшалиев, 2005. С. 16–29); местными были ресурсы обсидиана. Отметим, что кавказский обсидиан проникал в ближневосточные страны уже в конце VI тыс. до н.э. (Barge et al., 2018. P. 310–311).

Как и в других неолитических поселениях Южного Кавказа, напластования докерамического неолита на Кюльтепе I не выявлены. Поэтому вопрос о начальном импульсе и конкретном содержании процесса неолитизации в регионе далек от разрешения. Поскольку изящные расписные изделия выявлены в различных уровнях первого слоя поселения Кюльтепе I, можно лишь еще раз подчеркнуть, что в неолитическую эпоху поддерживались тесные связи Южного Кавказа с ближневосточными странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванский АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.

Ахундов Т.И. У истоков Кавказской цивилизации. Неолит Азербайджана. 1. Шомутепе. Баку: Наука, 2012. 386 с.

Ахундов Т.И. Неолит Южного Кавказа // Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (new data and concepts): proceedings of the international conference (St. Petersburg, november 18–22, 2019). St. Petersburg, 2019. С. 97–100.

Бадалян Р.С., Кикодзе З.К., Коль Ф.Л. Кавказский обсидиан: источники и модели утилизации и снабжения (Результаты анализов нейтронной активации) // Историко-филологический журнал. 1996. № 1–2. С. 245–264.

Бахшалиев В. Древняя металлургия и металлообработка на территории Нахичевани. Баку: Элм, 2005. 120 с.

Бахшалиев В.Б. Новые энеолитические памятники на территории Нахчывана // Российская археология. 2014. № 2. С. 88–95.

Бахшалиев В.Б., Маро К., Реми Б., Кулиева З. Археологические раскопки на поселении Кюльтепе // Problems of the Archaeology of the Caucasus and Near East. Neolithic – Late Bronze Age. Baku: Институт археологии и этнографии, 2017. С. 26–41.

Гулиев Ф., Гусейнов Ф., Алмамедов Х. Раскопки неолитического поселения VI тыс. до н.э. на холме Гойтепе (Азербайджан) // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период “первой глобализации” VII–IV тыс. до н.э.: материалы междунар. симпозиума. Баку: German Embassy, 2009. С. 26–30.

Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV–III тысячелетиях до н.э. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1963. Вып. 93. С. 3–14.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.

Махмудов Ф.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г. О древнейшей металлургии Кавказа // Советская археология. 1968. № 4. С. 16–26.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 478 с.

Мусеибли Н. Вопрос происхождения Шомутепинской культуры в контексте новых раскопок // Раннеземледельческие культуры Кавказа: сб. материалов междунар. конф. / Ред. М.Н. Рагимова. Баку: Элм, 2012. С. 40–50.

Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 260 с.

Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука, 1970. 78 с.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 303 с.

Badalyan R., Harutyunyan A., Chataıgner Ch., Le Mort F., Brochıer J., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R. The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, A Neolitic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009 // Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR). 2010. 13. P. 185–218.

Barge O., Azizi Kharanaghi H., Biglari F., Moradi B., Mashkour M., Tengberg M., Chataigner Ch. Diffusion of Anatolian and Caucasian obsidian in the Zagros Mountains and the highlands of Iran: Elements of explanation in 'least cost path' models // Quaternary International. 2018. 467. P. 297–322.

Baxşəliyev V. Azərbaycan Arxeologiyası. Bakı: Elm, 2007. 240 s.

Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K. Naxçıvantəpədə 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan: Əcəmi, 2019. 135 s.

Cucchi T., Kovács Z., Berthon R., Orth A., Bonhomme F., Evin A., Siahsarvie R., Darvish J., Bakhshaliyev V., Marro C. On the trail of Neolithic mice and men towards Transcaucasia: zooarchaeological clues from Nakhchivan (Azerbaijan) // Biological Journal of the Linnean Society. 2013. Vol. 108, № 4. P. 1–12.

Kiguradze T. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien, München: Verlag C.H. Beck, 1986. 62 p.

Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazaee M. Provenance of prehistoric obsidian artefacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40, iss. 4. P. 1956–1965.

Kushnareva K.Kh. Southern Caucasus in prehistory: Stage of Cultural and Socioeconomic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1997. 230 p.

Hamon C., Jalabadze M., Agapishvili T., Baudouin E., Koridze I., Messager E. Gadachrili Gora: Architecture and organisation of a Neolithic settlement in the middle Kura Valley (6th millennium BC, Georgia) // Quaternary International. 2016. Vol. 395. P. 154–169.

Harutyunyan A., Badalyan R., Chabot J., Chataingner Ch., Christidou R., Hovsepyan R. The first farmers of the Araks valley: the formative stage of the "Aratashen-Shulaveri-Shomutepe" culture // The Araxes River in Late Prehistory Bridge or Border? İnternational Conference (Lyon, 14–15 May, 2019). Lyon, 2019. P. 11–12.

Həbibullayev O.H. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1959. 134 s.

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G. Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2012. P. 1–190

Mellaart J. Earliest Civilizations of the Near East. London: Thames and Hudson, 1965, 72 p.

Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson, 1975. 154 p.

Marro C., Bakhshaliyev V., Berthon R., Thomalsky J. New light on the Late Prehistory of the South Caucasus: Data from the recent excavation campaigns at Kültepe I in Nakhchivan, Azerbaijan (2012–2018) // Paléorient. 2019. Vol. 45, 1. P. 81–113.

Marro C., Bakhshaliyev V., Severine S., Alıyev N. Archaeological Investigations on the Salt Minebof Duzdagi (Nakhchivan, Azerbaijan) // Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR). 2010. 13. P. 229–245.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S. Chronological contexsts of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elemxanlı Tepe, Azerbaijan // American Journal of Archaeology. 2015. Vol. 119, № 3. P. 279–294.

Seyidov A. Naxçıvan e.ə. VII–II minilliklərdə. Bakı: Elm, 2003. 334 s.

Voigt M.M. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1983. 396 p.

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE SETTLEMENT OF KÜLTEPE I

Veli B. Bakhshaliyev[a,#]

[a] *Nakhchivan Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Nakhchivan, Azerbaijan*

[#] *E-mail: velibahshaliyev@mail.ru*

Different opinions were expressed about the formation of the Neolithic in the South Caucasus: some researchers believe that the Neolithic of the South Caucasus originated on local soil, others assume that it was brought there from outside. To clarify the issue the French-Azerbaijani expedition resumed archaeological excavations at the settlement of Kültepe I in 2012–2018. New data have been partially presented in some articles, but have not been published in full. Comparison of archaeological materials obtained during the Soviet period (excavations by O.A. Abibullayev) with the results of the last decade makes it possible to conclude that the Kültepe culture was formed on the local soil in close contact with neighbouring Middle Eastern regions.

Keywords: South Caucasus, Nakhchivan, Kültepe I, Neolithic, ceramics.

REFERENCES

Abibullaev O.A., 1982. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevanskiy ASSR [The Eneolithic and Bronze Age on the territory of the Nakhichevan ASSR]. Baku: Elm. 316 p.

Akhundov T.I., 2012. U istokov Kavkazskoy tsivilizatsii. Neolit Azerbaydzhana [At the origins of the Caucasian civilization. The Neolithic of Azerbaijan], 1. Shomutepe [Shomutepe]. Baku: Nauka. 386 p.

Akhundov T.I., 2019. The Neolithic of the South Caucasus. Antiquities of Eastern Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (new data and concepts): proceedings of the international conference. St. Petersburg, pp. 97–100. (In Russ.)

Badalyan R., Harutyunyan A., Chataıgner Ch., Le Mort F., Brochıer J., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R., 2010. The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009. Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR), 13, pp. 185–218.

Badalyan R.S., Kikodze 3.K., Kol' F.L., 1996. Caucasian obsidian: sources and patterns of exchange and utilization (Results of neutron activation analyses). Istoriko-filologicheskiy zhurnal [Historical and Philological Journal], 1–2, pp. 245–264. (In Russ.)

Bakhshaliev V., 2005. Drevnyaya metallurgiya i metalloobrabotka na territorii Nakhichevani [Ancient metallurgy and metalworking in the territory of Nakhchivan]. Baku: Elm. 120 p.

Bakhshaliev V.B., 2014. New Chalcolithic sites on the territory of Nakhchivan. Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 2, pp. 88–95. (In Russ.)

Bakhshaliev V.B., Maro K., Remi B., Kulieva Z., 2017. Archaeological excavations at the Kültepe settlement. Problems of the Archaeology of the Caucasus and Near East. Neolithic – Late Bronze Age. Baku: Institut arkheologii i etnografii, pp. 26–41. (In Russ.)

Barge O., Azizi Kharanaghi H., Biglari F., Moradi B., Mashkour M., Tengberg M., Chataigner Ch., 2018. Diffusion of Anatolian and Caucasian obsidian in the Zagros Mountains and the highlands of Iran: Elements of explanation in 'least cost path' models. Quaternary International, 467, pp. 297–322.

Baxşəliyev V., 2007. Azərbaycan Arxeologiyası. Bakı: Elm. 240 p.

Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K., 2019. Naxçıvantəpədə 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan: Əcəmi. 135 p.

Chayld G., 1956. Drevneyshiy Vostok v svete novykh raskopok [The earliest Orient in the light of new excavations]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 303 p.

Cucchi T., Kovács Z., Berthon R., Orth A., Bonhomme F., Evin A., Siahsarvie R., Darvish J., Bakhshaliyev V., Marro C., 2013. On the trail of Neolithic mice and men towards Transcaucasia: zooarchaeological clues from Nakhchivan (Azerbaijan). Biological Journal of the Linnean Society, vol. 108, no. 4, pp. 1–12.

Guliev F., Guseynov F., Almamedov Kh., 2009. Excavations of a Neolithic settlement of the 6th millennium BC on the Göytepe hill (Azerbaijan). Azerbaydzhan – strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period "pervoy globalizatsii" VII–IV tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [Azerbaijan as a country linking East and West. Exchange of knowledge and technologies during the "first globalization period of the 7th–4th millennia BC": Proceedings of the International symposium]. Baku: German Embassy, pp. 26–30. (In Russ.)

Hamon C., Jalabadze M., Agapishvili T., Baudouin E., Koridze I., Messager E., 2016. Gadachrili Gora: Architecture and organisation of a Neolithic settlement in the middle Kura Valley (6th millennium BC, Georgia). Quaternary International, 395, pp. 154–169.

Harutyunyan A., Badalyan R., Chabot J., Chataingner Ch., Christidou R., Hovsepyan R., 2019. The first farmers of the Araks valley: the formative stage of the "Aratashen-Shulaveri-Shomutepe" culture. The Araxes River in Late Prehistory – Bridge or Border? İnternational Conference. Lyon, pp. 11–12.

Həbibullayev O.H., 1959. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. 134 p.

Iessen A.A., 1963. Caucasus and Ancient East in the 4th–3rd millennia BC. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 93, pp. 3–14. (In Russ.)

Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazaee M., 2013. Provenance of prehistoric obsidian artefacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis. Journal of Archaeological Science, vol. 40, iss. 4, pp. 1956–1965.

Kiguradze T., 1986. Neolithische Siedlungen von Kvemo-Kartli, Georgien, München: Verlag C.H. Beck. 62 p.

Kushnareva K.Kh., 1997. Southern Caucasus in prehistory: Stage of Cultural and Socioeconomic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania. 230 p.

Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G., 2012. Ancient Kura 2010–2011: The first two seasons of joint field work in the Southern Caucasus. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, 44. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 1–190.

Makhmudov F.A., Munchaev R.M., Narimanov I.G., 1968. On the earliest metal production of the Caucasus. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 4, pp. 16–26. (In Russ.)

Marro C., Bakhshaliyev V., Berthon R., Thomalsky J., 2019. New light on the Late Prehistory of the South Caucasus: Data from the recent excavation campaigns at Kültepe I in Nakhchivan, Azerbaijan (2012–2018). Paléorient, 45, 1, pp. 81–113.

Marro C., Bakhshaliyev V., Severine S., Alıyev N., 2010. Archaeological Investigations on the Salt Minebof Duzdagi (Nakhchivan, Azerbaijan). Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi (TÜBA-AR), 13, pp. 229–245.

Masson V.M., 1964. Srednyaya Aziya i Drevniy Vostok [Central Asia and the Ancient East]. Moscow; Leningrad: Nauka. 468 p.

Mellaart J., 1965. Earliest Civilizations of the Near East. London: Thames and Hudson, 72 p.

Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson. 154 p.

Munchaev R.M., 1975. Kavkaz na zare bronzovogo veka [Caucasus at the dawn of the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 478 p.

Museibli N., 2012. The issue of the Shomutepe culture origin in the context of new excavations. Rannezemledel'cheskie kul'tury Kavkaza: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii [Early farming cultures of the Caucasus: Proceedings of the International conference]. M.N. Ragimova, ed. Baku: Elm, pp. 40–50. (In Russ.)

Narimanov I.G., 1987. Kul'tura drevneyshego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniya Azerbaydzhana [Culture of the early farming and pastoralist population of Azerbaijan]. Baku: Elm. 260 p.

Nishiaki Y., Guliyev F., Kadowaki S., 2015. Chronological context of the Earliest Pottery Neolithic in the South Caucasus: Radiocarbon dates for Göytepe and Hacı Elemxanlı Tepe, Azerbaijan. American Journal of Archaeology, vol. 119, no. 3, pp. 279–294.

Selimkhanov I.R., 1970. Razgadannye sekrety drevney bronzy [Solved secrets of ancient bronze]. Moscow: Nauka. 78 p.

Seyidov A., 2003. Naxçıvan e.ə. VII–II minilliklərdə. Bakı: Elm. 334 p.

Voigt M.M., 1983. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania. 396 p.